

На правах рукописи

Павлова Светлана Юрьевна

**АВТОБИОГРАФИЗМ В МЕМУАРАХ
ФРАНЦУЗСКИХ АРИСТОКРАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVII ВЕКА**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература Европы)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов
2019

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Официальные оппоненты

Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ермоленко Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики филологического факультета ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Защита состоится _____ 2019 года в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.01 по филологическим наукам при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская. д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.imli.ru > Научная жизнь > диссертационные советы > Д 002.209.01.

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.ф.н.

Протопопова
Анна Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Специфику мемуаров как документально-художественного жанра определяет соотнесенность повествования с биографией автора, выступающего в роли участника или свидетеля изображаемых событий. Степень выраженности в них автобиографического начала может существенно различаться в зависимости от задач и индивидуальных особенностей создателя произведения, а также историко-культурных факторов, повлиявших на способы самопрезентации.

Мемуары являются неотъемлемой частью автобиографической литературы, находящейся в фокусе внимания западных ученых уже более полувека и в последние два десятилетия активно изучаемой отечественными гуманитариями. Дискуссии об автобиографии как жанре и письменной практике, о связи такого рода текстов с концепциями субъективности, о трансформациях внутри всего корпуса автобиографических произведений приобретают все большую актуальность.

Автобиографические сочинения многие годы рассматривались теоретиками как свидетельство формирования индивидуальности европейского человека по восходящему вектору от Античности до Нового времени. Развивая свои идеи в русле этого подхода, французский литературовед Ф. Лежен в монографии «Автобиография во Франции» (1971) поставил во главу угла жанровый критерий и спровоцировал мощную волну рефлексии по поводу автобиографии как специфического жанра новоевропейской литературы. Полемика его сторонников и оппонентов привела к важным в контексте нашей работы общетеоретическим выводам: 1) вымышленность или референциальность автобиографического произведения нельзя осознать, исходя из него самого; 2) в процессе автобиографического творчества человек конструирует и олитературивает свою жизнь; 3) с точки зрения используемых повествовательных приемов между автобиографией и романом нет никакой разницы; 4) леженовское понимание жанра, ориентированное на «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, выступает своего рода его идеальной моделью, тогда как

реальный корпус автобиографических текстов оказывается значительно разнообразнее и в сочинениях более ранних периодов, в том числе в мемуарах XVII века, обнаруживаются черты, отвечающие предложенному французским ученым определению.

В последние годы изучение автобиографических текстов идет по двум основным направлениям. Сторонники первого, восходящего к концепции autofiction (автофикции/ автофикшн/ автовымысла/ самосочинения) С. Дубровского, ставят во главу угла художественную составляющую и изучают произведения гибридной жанровой природы. Представители второго, напротив, обращаются к документальным автобиографическим свидетельствам, так называемым эгодокументам: мемуарам, эпистолярию, личным запискам, дневникам, официальным автобиографиям, семейным регистрам и т.д. В начале 2000-х годов в работе с такого рода источниками наметился методологический поворот, заключающийся в переносе акцента с доказательств исторически прогрессивного развития индивидуальности и практик автобиографического письма на выявление особенностей самопрезентации, обусловленных временными и социокультурными факторами. Такой подход, апробированный историками Берлинского свободного университета, используется в диссертации. Он позволяет не строго линейно, а более нюансированно описать историю развития автобиографической литературы, а также значение отдельных произведений и жанров в процессе ее становления.

Диссертация базируется на теоретических и историко-литературных трудах, связанных с изучением автобиографических произведений в их своеобразии и жанровой специфике. Теоретическим фундаментом исследования стали работы ведущих западных специалистов по автобиографии (Ж. Гюсдорфа, Ф. Лежена, Ж. Старобинского, Э. Брюсс, П. де Мана, Дж. Олни и др.), российских литературоведов, рассматривающих проблему автора, автобиографического творчества и жанра (Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург, Г.К. Косикова, И.О. Шайтанова, И.В. Кабановой, Е.П. Гречаной, В.Д. Алташиной и др.), нарратологов,

анализирующих соотношение разных уровней повествовательной структуры текста (Ж. Женетта, В. Шмида), историков, осмысляющих взаимосвязь развития европейской индивидуальности и практик автобиографического письма (Г. Янке, К. Ульбрих, Р. Деккера, А.Я. Гуревича, Л.М. Баткина, А.Г. Тартаковского, Ю.П. Зарецкого и др.), ученых, занимающихся проблемами автобиографической памяти (Дж. Брюнера, П. Рикёра, М. Хальбвакса, В.В. Нурковой).

В историко-литературном плане диссертационная работа опирается на исследования по французской культуре XVII века, связанные с функционированием придворного и салонного общества Старого порядка (Н. Элиас, Ф. Арьес, Г. Шоссинан-Ногаре, Б. Кравери, М.С. Неклюдова, А.В. Стогова), с феноменом галантности (А. Вьяла, Д. Дени, Е.П. Гречаная, Н.Т. Пахсарьян, Т.И. Акимова, А.В. Голубков), с особенностями развития литературы изучаемого периода (Ж. Менар, Ж. Плантье, С.Д. Коцюбинский, Д.Д. Обломиевский, Ю.Б. Виппер, М.В. Разумовская, Л.Я. Потемкина, К.А. Чекалов, Н.В. Забабурова, Н.Т. Пахсарьян, А.Ф. Строев, Г.Н. Ермоленко, В.Д. Алташина, А.В. Голубков, И.А. Некрасова, К.Ю. Кашлявик и др.).

Основной корпус используемых в диссертации трудов посвящен французским мемуарам второй половины XVII века. **Степень их изученности** в зарубежном и российском литературоведении существенно различается. Во Франции они рассматриваются как неотъемлемая часть литературного процесса и находятся в фокусе внимания исследователей с XIX столетия, когда появились первые, в том числе монографические, труды о французских мемуаристах (Ш. Сент-Бева, П. Буато, Ш. Кабоша, Р. Шантелоза, А. Газье и др.). Современный этап изучения мемуаров, ознаменованный усилением исследовательской рефлексии и применением системного научного подхода, начался с 1970-х годов и отразился в трудах ведущих специалистов в этой области, таких как М. Фюмароли, И. Куаро, Р. Демори, А. Бертьер, М.-Т. Ипп, Ж. Гаралон, Ф. Брио, Н. Хепп, Н. Кюперти, М. Кюенен, Э. Лен, Ж. Минуа, Д.-А. Венсан и др.

Если во французском литературоведении мемуаристика второй половины XVII столетия составляет весомое и хорошо разработанное направление, то в России она по-прежнему остается на периферии научного интереса. Явно недостаточно представлен сам корпус текстов: на русский язык переведены только мемуары Ларошфуко (1971, перевод А.С. Бобовича, послесловие и комментарии М.В. Разумовской) и кардинала де Реца (1997, перевод Ю.Я. Яхниной, послесловие Ю.Б. Виппера, комментарии А.Ф. Строева). Именно к творчеству этих мемуаристов традиционно обращались отечественные ученые, но их работы, при всей значимости, носят краткий или обзорный характер. Только в начале XXI века представление о мемуарах эпохи Людовика XIV расширилось в трудах А.В. Голубкова, М.С. Неклюдовой и В.Д. Алташиной, автора единственной на сегодняшний день тематической монографии «Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.)» (2005). Дальнейшее более глубокое изучение мемуаров как важной части французского литературного наследия представляется необходимым, а автобиографический ракурс видится одним из конструктивных подходов.

Объектом диссертационного исследования стали мемуары французских аристократов второй половины XVII века, в которых вызревает феномен автобиографизма.

Предмет – специфика автобиографизма в мемуарном повествовании, обусловленная сочетанием индивидуальных и исторически предопределенных способов самопрезентации.

Материалом послужили мемуары шести французских аристократов: герцога Франсуа де Ларошфуко, Роже де Рабютена, графа де Бюсси, сестер Гортензии и Марии Манчини (в замужестве соответственно герцогини Мазарини и княгини Колонна), кардинала де Реца и герцогини де Монпансье, именуемой согласно ее титулу племянницы короля Мадемуазель. Мемуаристы принадлежали к одному поколению, были заметными фигурами при дворе Людовика XIV, пережили опалу или изгнание, решились написать о себе. Во Франции избранные мемуары имеют современные, снабженные научными

комментариями переиздания, что характерно далеко не для всех сочинений XVII века, и дополнительно свидетельствует об исторической и художественной ценности этих текстов.

Цель диссертационного исследования заключается в рассмотрении специфики автобиографизма в мемуарах французских аристократов второй половины XVII века с учетом особенностей жанра, индивидуальных форм проявления «я» и способов самопрезентации, обусловленных историко-культурными факторами. Для ее достижения было необходимо решить следующие **задачи**:

- дать определение понятия «автобиографизм»;
- описать историю становления жанра мемуаров и процесс его кристаллизации из недр историографии;
- охарактеризовать отношение к повествованию о себе во Франции XVII века;
- выявить функции и формально-содержательные особенности мемуаров эпохи;
- проанализировать авторские стратегии и тактики самоописания;
- рассмотреть наиболее значимые для каждого сочинителя автобиографические темы;
- продемонстрировать соотношение между образами автора, повествователя и протагониста, из совокупности которых складывается представление об автобиографическом «я»;
- показать своеобразие избранных для анализа мемуаров с точки зрения наполнения автобиографическим материалом и манеры его подачи;
- определить исторические, социальные, общекультурные и литературные факторы, повлиявшие на способы самопрезентации у мемуаристов одного поколения;
- сделать выводы о роли мемуаров французских аристократов второй половины XVII столетия в развитии жанра и автобиографической прозы.

Актуальность исследования, выполненного в русле автобиографических штудий, определяется, во-первых, проблематизацией представлений о самосознании человека и способах самопрезентации, во-вторых, возросшей потребностью в обретении достоверного знания посредством обращения к документальным жанрам, в-третьих, необходимостью рефлексии над возможностями слова в ситуации размывания границ между реальностью и вымыслом.

Методология базируется на теоретических принципах историко-литературного, историко-культурного, историко-функционального, сравнительно-исторического анализа. Используются элементы нарратологического, интертекстуального, рецептивного и гендерного подходов.

Научная новизна работы заключается в демонстрации развития автобиографизма в жанре мемуаров. В диссертации впервые дается комплексная характеристика шести наиболее репрезентативных мемуаров с автобиографической доминантой второй половины XVII века, в научный оборот отечественного литературоведения вводятся мемуары сестер Манчини. Исследование представляет собой первую попытку анализа специфики автобиографизма с учетом влияния на мемуаристов характерных для эпохи культурных моделей – героической и галантной.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется обоснованием и функциональным использованием термина «автобиографизм», рассмотрением роли жанра мемуаров в развитии автобиографической литературы и французской прозы второй половины XVII века.

Практическая значимость заключается в том, что материалы и выводы диссертации могут быть использованы в университетских курсах по истории французской литературы и культуры XVII века, спецкурсах по мемуаристике и автобиографическим жанрам. Они также могут представлять интерес для специалистов в разных областях гуманитарного знания, занимающихся изучением автобиографических текстов, и быть полезны при издании и

комментировании мемуаров раннего Нового времени. Примененную в работе методологию и терминологию можно использовать в процессе анализа разнообразных мемуарных источников и других автобиографических произведений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Расцвет жанра мемуаров во Франции второй половины XVII века был связан с усилением автобиографизма. Новые черты жанра особенно показательно проявились в мемуарах аристократов, ощущавших себя людьми, достойными права войти в историю, и решивших рассказать о себе, вопреки традиционным христианским представлениям и светскому кодексу поведения, ограничивавшим возможности для самоописания.

2. Формированию автобиографических интенций способствовало изменение статуса аристократии в период зрелого абсолютизма. Их катализатором стала ситуация изгнания, в которой знатные вельможи оказались после поражения Фронды или по другим причинам. Опальные мемуаристы стремились оставить письменное свидетельство о себе в противовес версии официальной историографии. На развитие автобиографизма также повлияли их контакты с господами из Пор-Рояля и популярные в аристократической среде автобиографические сочинения религиозного характера. Они не изменили содержательной наполненности мемуаров, светских по своей сути, но привели к развитию моральной проблематики, аналитической техники и интроспекции.

3. Мемуаротворчество выполняло несколько функций: апологетическую, вызванную желанием авторов объяснить свое поведение; терапевтическую, связанную с необходимостью поддержать иллюзию вовлеченности в происходящее и заполнить досуг; телеологическую, направленную на постижение смысла прожитой жизни.

4. Все мемуаристы стремились предстать истинными аристократами, настоящими французами, верными подданными Людовика XIV. Однако они заметно корректировали автобиографический образ и в процессе самоописания конструировали собственную идентичность, используя разные

повествовательные стратегии, но схожие тактики (опора на факты, умолчания, недоговоренности, искажения биографического материала и т.д.).

5. Специфика автобиографизма в мемуарах французских аристократов проявились в ориентации на доминирующие культурные модели – героическую и галантную, – воплощенные в поведенческих типах *honnête homme* и *galant homme*. Их влияние сказалось на особенностях автобиографического образа, построении повествования, стиле, лексике, аллюзиях к наиболее популярным в придворных и салонных кругах литературным произведениям (Корнеля, Тассо, д'Юрфе, Скюдери и др.).

6. Жанр мемуаров складывался по прецедентному принципу и носил ненормативный характер. Во второй половине XVII века он претерпел изменения, свидетельствующие о повышении значимости таких компонентов содержания и повествовательной структуры, которые подчеркивают ценность истории индивида и его точки зрения (укрупнение образа протагониста, минимизация родословной, введение тем частного характера, нарастание аналитико-оценочных элементов, развитие интроспекции, усиление образности и стилистической оригинальности).

7. В эпоху господства всеобщего и универсального жанр мемуаров позволял авторам работать на границах дискурсивных практик и стал способом утверждения индивидуального. В проанализированных произведениях уникальное «я» проявляется в самой автобиографической истории и манере повествования о ней, соотносится со сферой как публичной, так и частной жизни.

8. В мемуарах Ларошфуко и Бюсси-Рабютена, хроникальных в своей основе, автобиографизм присутствует прежде всего на уровне субъективного отбора и интерпретации материала. У Ларошфуко наблюдается тенденция к разнообразию тематики, усиление самооценки, переход к форме повествования от первого лица в частях, созданных на финальном этапе работы над рукописью. Авторская индивидуальность Бюсси обнаруживается в разработке любовных сюжетов, наполненности текста литературными аллюзиями,

использовании разножанровых элементов, позволяющих увидеть его писательское мастерство.

9. Мемуары сестер Манчини, близкие по тематике, строящейся вокруг семейных проблем, заметно отличаются манерой изложения материала. Насмешливо-иронические модуляции в повествовании Гортензии соответствуют ее дерзкому и непокорному характеру, тогда как сдержанные и уважительные интонации Марии отражают ее стремление создать нормативный образ. Помимо концентрации на индивидуальной истории и событиях частной жизни, новое качество автобиографизма в мемуарах сестер определяется вниманием к эмоциональной составляющей образов протагонисток.

10. Специфика автобиографизма в мемуарах Реца заключается в усилении аналитического начала, активизации образа повествователя и стилистическом мастерстве. Изображая реальные и гипотетические события своей жизни на фоне истории, он блестяще их анализирует, используя широкий арсенал художественных средств (метафор, обращений, параллельных синтаксических конструкций и т.д.), а также раскрывает механизмы построения собственной мысли и разворачиваемого повествования.

11. Высокий королевский статус Мадемуазель дает ей право на свободное высказывание, поэтому автобиографизм в ее мемуарах проявляется наиболее полно на сюжетно-образном и композиционно-стилистическом уровнях. Ее сочинение дает возможность увидеть, как с течением времени менялись взгляды и чувства принцессы, образ которой предстает целостным и вместе с тем динамичным. Мемуары превращаются в непрерывное самописание, где каждый повествовательный элемент отсылает к автобиографическому «я» и способствует его укрупнению.

12. Во французской прозе второй половины XVII века именно жанр мемуаров давал возможность для развития автобиографизма. Произшедшая в этот период трансформация жанра в следующем столетии привела к изменениям внутри всего корпуса автобиографической прозы и повлияла на развитие французской литературы.

Апробация работы началась в 2005 году в рамках индивидуального исследовательского проекта МК – 3264.2005.6, осуществлявшегося в течение двух лет по гранту Президента РФ для поддержки молодых ученых. Основные положения диссертации были изложены в докладах на международных и всероссийских конференциях, в том числе «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (Казань, КГУ/ПФУ, 2006, 2018), «Биографический метод в современном гуманитарном знании» (Одесса, 2006), «Мемуары русских писателей. Россия и русская культура в мемуарах польских писателей» (Варшава, 2009), «Подвижная жизнь истины»: К 70-летию Г.К. Косикова» (Москва, МГУ, 2014), «Франция и Россия» (Нижний Новгород, НИУ ВШЭ, 2014, 2016, 2018), «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, ГПА, 2015), «Опала и изгнание в культурных и дискурсивных практиках XVII века» (Москва, РГГУ, 2015), «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики» (Москва, НИУ ВШЭ, 2016, 2017), «XLVI Международная филологическая конференция» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2017), на филологических и междисциплинарных конференциях в Саратове (2005, 2012–2017).

Результаты исследования представлены в 38 публикациях, из которых 17 вышли в журналах из перечня ВАК и 4 в изданиях, включенных в международные базы цитирования Scopus и Web of Science.

Структура диссертации предопределяется логикой исследования и включает введение, обосновывающее теоретические положения работы, пять глав, первая из которых посвящена генезису жанра мемуаров, а четыре следующих – анализу избранных произведений, заключения и списка литературы из 422 наименований. Общий объем диссертации составляет 448 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** дается общая характеристика исследования, определяются его цель и задачи, материал и предмет, научная новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость, рассматривается степень изученности французских мемуаров второй половины XVII века во французской и российской науке.

Тема диссертации делает необходимым характеристику основных этапов изучения автобиографической литературы, что позволяет обосновать методологические принципы, применяемые в работе. Осуществленный обзор дает возможность констатировать, что на сегодняшний день теория и методология исследования автобиографии как литературного жанра и автобиографических текстов в целом разработана достаточно основательно. При этом в гуманитарной науке присутствует терминологическая разноголосица в отношении произведений, не являющихся автобиографиями в жанровом смысле слова в силу времени создания или формально-содержательных особенностей. В плане их характеристики можно выявить две тенденции. Первая предполагает применение термина «автобиография/ autobiographie/ autobiography» в предельно широком значении. Вторая тенденция заключается в использовании новых определений как обобщающего, так и конкретизирующего характера: life-writing, self-narrative, écriture de soi, récit de vie, écriture autobiographique, égolittérature, autofiction, selbstzeugnisse, автобиографический дискурс, автобиографизм, эгодокументы, автобиографический жанр, духовная автобиография, автопсихологизм, и т.д.

При анализе автобиографических произведений различной жанровой природы литературоведы зачастую по-разному называют изучаемые явления, что приводит к понятийной путанице и делает необходимым выработку более устойчивой терминологии. На наш взгляд, в рамках литературоведческого исследования продуктивно использовать термин «автобиографизм», позволяющий характеризовать не только образцы одноименного жанра, но и все тексты, в которых присутствует автобиографическое начало. В

литературоведческих работах термин, как правило, употребляется только по отношению к художественной литературе, хотя референциальность, составляющая имманентную сущность автобиографических произведений, в большей степени проявляется в текстах с выраженной документальной основой, в частности в мемуарах.

Мы считаем необходимым предложить трактовку термина «автобиографизм», которая может использоваться при литературоведческом анализе текстов различной жанровой природы. **Автобиографизм** – это совокупность содержательно-структурных и словесно-образных свойств произведения, связанных с биографией и/ или личностью автора. Предложенное понимание автобиографизма как надродовой и наджанровой категории позволяет учитывать жанровую специфику произведения, рассматривать его формально-содержательные особенности и экстралитературные факторы, анализировать категории, входящие в смысловое поле авторской интенциональности и имплицитно присутствующие в тексте.

Для определения специфики автобиографизма в жанре мемуаров имеет значение анализ образа протагониста и повествователя, а также соотношения между ними (наличия/отсутствия дистанции, использования приема «двойного регистра»), отбора и построения биографического материала, авторских интенций и их реализации, композиции и стиля. Совокупность этих свойств показывает своеобразие автобиографизма в конкретных образцах жанра, тогда как границы и способы его проявления предопределяет историко-культурный контекст. Природа автобиографического может быть выявлена лишь с учетом представлений определенной эпохи о дозволенности самого акта говорения о себе, о статусе авторов, о тех социальных практиках и литературных моделях, которые накладывали отпечаток на способы самопрезентации. Только такой подход, учитывающий индивидуальные, общекультурные, конкретно-исторические и национальные особенности, дает возможность определить специфику автобиографизма во французских мемуарах второй половины XVII века.

Первая глава «Генезис и жанровые особенности мемуаров во Франции второй половины XVII века» призвана очертить историю становления жанра и выявить наиболее значимые исторические и социокультурные факторы, повлиявшие на способы самоописания и специфику мемуаров в рассматриваемую эпоху. Анализ словарных определений мемуаров – от предложенных в изданиях XVII века до современных – позволяет констатировать его генетическую связь с историей. Обособление мемуаров от других исторических источников, претендовавших на объективизм изложения событий, шло по пути усиления автобиографического начала.

Жанр зародился во Франции, постепенно складываясь в недрах средневековых хроник XIII–XIV веков. Его первым общепризнанным образцом стали «Мемуары» (1489–1498, опубл. в 1524) Филиппа де Коммина, обнаруживающие принципиальный сдвиг от хроникального повествования, нейтрализующего, растворяющего авторское «я» в веренице исторических перипетий, к новому жанру, для которого субъективный и уникальный взгляд автора на прошлое станет определяющим. Изначально создатели мемуаров воспринимали свои труды как подготовительный материал для тех, кто в будущем напишет большую историю, поскольку свойственная им сухая повествовательная манера в духе «Комментариев» Цезаря не соответствовала высоким критериям, характерным для риторического стиля историографов XVI века, ориентировавшихся на Тита Ливия. Однако самих себя мемуаристы осознавали теми, кто вершит историю, людьми с биографией. Этот факт легитимировал их право на письменное высказывание о событиях и собственном в них участии. На этом этапе развития жанра усиление роли повествователя стало важным проявлением автобиографического начала, тормозившим движение мемуаров в сторону истории как научного знания о прошлом, зато дававшим им шанс на литературное будущее.

Первые образцы мемуаров сформировали модель жанра, на которую по прецеденту в той или иной мере ориентировались все последующие авторы. Характеристика его основных элементов и других автобиографических текстов

раннего Нового времени («Опытов» Монтеня, «семейных регистров») позволяет утверждать, что мемуары создавались по образцу античной биографии и изображали славные деяния человека. С точки зрения развития автобиографизма важно подчеркнуть, что этапы жизни, предшествовавшие подвигам (детство, учеба, юность) или не имевшие к ним прямого отношения (любовь, досуг, внутренние переживания), занимали в мемуарах незначительное место, а чаще и вовсе отсутствовали.

Расцвет жанра наступил во второй половине XVII века и был в значительной степени предопределен началом единоличного правления Людовика XIV. По статистике в этом столетии, в сравнении с предшествующим, количество созданных мемуаров возросло в несколько раз (с 80 до 260), причем их число заметно увеличилось в последние четыре десятилетия. Этому способствовало, во-первых, поражение Фронды, ставшей последней попыткой французской знати противостоять политике абсолютизма. Анализ ее последствий показывает, что ситуация изгнания, в которой оказались многие участники гражданской войны, создавала условия для развития жанра и усиления в нем автобиографического начала. В непривычном для себя положении удаления от двора изгнанники пытались посредством мемуаротворчества объяснить и оправдать свои поступки в глазах короля, придворных, а в дальней перспективе – потомков; сохранить иллюзию вовлеченности в происходящее и заполнить свободное время; попытаться в акте письма компенсировать свой неуспех и осмыслить собственную жизнь.

Во-вторых, положительную роль в укреплении позиций жанра сыграла эстетическая переориентация, проявившаяся в движении от сложной образности и языковой изощренности в сторону классицистической ясности и простоты высказывания посредством минимальных изобразительных средств. Свойственные мемуарам формально-содержательные особенности – документальность, дидактизм, линейность повествования, стилистическая простота – соответствовали новым эстетическим критериям.

Перечисленные причины благоприятствовали популяризации жанра, но другие общекультурные факторы оказывали обратное действие, особенно по мере того, как в мемуарах усиливалось автобиографическое начало. В религиозно-философской мысли XVII века сосредоточенность на себе осмыслялась как грех гордыни и подверглась осуждению в знаменитой паскалевской формуле «*le moi est haïssable*» («я ненавистно»). Сдержанность в том, что касается разговора о себе, предполагала и практика салонного общения, строившаяся под влиянием итальянских и французских трактатов о вежестве.

Однако вопреки христианскому запрету и светским поведенческим нормам в мемуарах знатных вельмож автобиографизм получил развитие. Наибольший интерес с точки зрения его кристаллизации представляют мемуары аристократов, запечатлевших свою собственную жизнь, а не только военную или придворную хронику. Мадемуазель, кардинал де Рец, Франсуа де Ларошфуко, Роже де Рабютен, Мария и Гортензия Манчини стали авторами именно таких сочинений. Французские исследователи причисляют их к «поколению Реца», используя определение, удачно найденное А. Бертьером¹.

В главе приводятся биографические факты, объединяющие этих мемуаристов, а также рассматриваются наиболее значимые составляющие социальной, духовной и культурной жизни второй половины XVII века, позволяющие выявить тот общий фундамент, который предопределил наполнение автобиографического повествования. Указывается, что на содержание мемуаров оказал влияние новый статус аристократии, ставший следствием триумфа придворных нравов над этикой индивидуальной героики. Наряду с описанием военных походов в них появились новые темы, связанные с досугом, светским времяпрепровождением, повседневностью. Изменение тематики мемуаров шло в направлении частной жизни как в современном смысле этого слова (семья, любовь, здоровье и т.д.), так и в том, что было

---

¹ Bertière A. Le cardinal de Retz mémorialiste. Thèse présentée devant l'Université de Paris IV, le 28 juin 1976. Lille: Service de reproduction des thèses. Université de Lille III, 1981. P. 30.

характерно для эпохи (пребывание вне пределов двора) и, в частности, связывалось с салонной культурой. В салонах аристократы пытались компенсировать утрату бывшего политического веса культурными привилегиями и прежде всего блистательным владением изысканной манерой общения, отвечавшей идеалу галантного поведения.

Галантность наложила отпечаток на французские мемуары эпохи Людовика XIV. Утвердившийся под влиянием галантной культуры образ придворного сосуществовал с моделью *honnête homme*, которая сложилась ранее, в первой половине XVII столетия. Значимость обеих моделей в качестве этико-поведенческих ориентиров для мемуаристов обуславливает предложенную в главе их характеристику на основании источников периода и современных исследований. *Honnête homme* – это человек чести, вызывавший уважение благодаря своей принадлежности к дворянскому сословию, военным заслугам, умению достойно держаться и быть учтивым. Эти черты сохранились и в новой поведенческой модели, но обогатились другими, в большей степени связанными с мирной жизнью. Галантный человек должен был уметь вести себя безукоризненно и вместе с тем непринужденно, с легкостью поддерживать беседу, следить за своей внешностью, обладать безупречным вкусом, элегантно ухаживать за дамами, быть знатоком литературы и искусства. Навыки галантного человека обязательно реализовывались в светской жизни и носили более рафинированный характер.

Проведенный анализ этимологии слова «галантный» и его производных показывает, что этот феномен отразился в поведенческих практиках и литературно-художественном наследии XVII века в двух основных формах – «прекрасной» («*belle*») и «непристойной»/ «сбившейся с пути» («*licensieuse*»/ «*dévoyée*») галантности². Первая воплощала возвышенные представления о взаимоотношениях людей, главным образом, в сфере любовных отношений,

---

² Viala A. *La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution*. Paris: Presses Universitaires de France, 2008. P. 204; Viala A. *D'une politique des formes: la galanterie // XVIIe siècle*. 1994. № 182. P. 148.

вторая носила скандальный характер и тяготела к либертинажу. В отличие от «*honnêteté*», галантность имела не только этическое и поведенческое измерение, но также эстетическое. В мемуарах она проявилась в образах протагониста и повествователя, построении текста, стиле.

Галантная культура способствовала усилению роли женщины в придворной и светской жизни. Показательно, что из шести избранных для анализа источников три написаны знатными дамами. В связи с размышлениями о положении женщины во французском обществе Старого порядка подчеркивается, что аристократки обладали утонченным умением вести беседу и сделали ее главной составляющей салонной культуры. Владение словом, одинаково важное для представителей обоих полов, было отличительным знаком принадлежности к высшей касте. Устная беседа и письменная речь должны были демонстрировать врожденные достоинства знатного человека, подчеркивавшие его превосходство, во-первых, над представителями других сословий и, во-вторых, над профессиональными сочинителями. Одной из форм письменной фиксации непринужденной манеры салонной беседы стали мемуары родовитых вельмож.

Помимо аристократического кодекса поведения и галантной культуры, влияние на эволюцию изучаемого жанра оказали контакты мемуаристов с приверженцами знаменитого монастыря Пор-Рояль, строившими свою жизнь на основании строгих нравственных принципов. Авторитетность янсенистского учения, широкое распространение среди аристократов нового перевода «Исповеди» Августина Аврелия, выполненного в 1649 году Робером Арно д'Андийи, и его же перевода 1670 года «Книги жизни» святой Терезы Авильской способствовали повороту мемуаристов от изображения перипетий судьбы к внутреннему миру индивида и его духовному опыту.

Таким образом, жанр мемуаров на этапе его формирования воспринимался как историческое повествование, призванное сохранить память о деяниях автора и его роли в событиях прошлого. Субъективный взгляд мемуариста на эти события был основным способом проявления

автобиографического начала. Ко второй половине XVII века изменившиеся социокультурные условия вызвали трансформацию жанра и усиление автобиографизма. Новый статус аристократии, распространение галантной культуры, влияние духовности Пор-Рояля привели к отходу от большой истории, концентрации повествования вокруг образа «я», введению тематики, связанной со сферой частной жизни, усилению моральной проблематики и интроспекции, развитию элементов художественности. Эти положения получили развитие в практических главах диссертации.

Вторая глава «Судьба аристократа: мемуары Ларошфуко и Бюсси-Рабютена» включает два параграфа, посвященных избранным авторам, которые вошли в историю благодаря литературному таланту («Максимам» Ларошфуко, «Максимам любви» и «Любовной истории галлов» Бюсси). Объединяет их верность аристократическому кодексу поведения, самореализация на военном поприще, стремление к героическим свершениям. Рассматриваемые в главе мемуары содержат по преимуществу описания военных кампаний, подробности перипетий Фронды и придворной жизни. Их анализ позволил проследить, за счет каких элементов в образцах жанра, наиболее связанных с хроникальной традицией мемуарного повествования, начинается кристаллизация автобиографизма.

Параграф «Ларошфуко: фрондер на службе монархии» состоит из двух разделов, позволяющих охарактеризовать автобиографический образ и продемонстрировать усиление аналитического начала в сочинении герцога Франсуа де Ларошфуко (1613–1680). Специфика автобиографизма в «Мемуарах» (1662), в неполном виде опубликованных при жизни автора, связана с историей их создания. Она определяет особенности шестичастной композиции, тематики и формы повествования. Приступив к работе над рукописью в годы изгнания, Ларошфуко изложил свою версию истории Фронды, но впоследствии дополнил ее автобиографическими событиями более раннего периода. В результате части с третьей по шестую, написанные во второй половине 1650-х годов, стали своеобразной хроникой гражданской

войны, объективизм которой мемуарист стремился подчеркнуть повествованием от третьего лица, ориентированным на сочинение Цезаря. В первой и второй частях, более поздних по времени создания и разнообразных по тематике, Ларошфуко, не без влияния трудов господ из Пор-Рояля, перешел к форме ведения рассказа от первого лица, благодаря чему возникла дистанция между повествователем и протагонистом.

В первом разделе «*Аристократический идеал honnête homme и тактика самопрезентации*» доказывается, что образ автобиографического героя строится в свете определенной этико-поведенческой модели, характерной для французской знати XVII века. В нем преобладают качества, отвечающие идеалу honnête homme: воинские доблести, героизм, честь, преданность, способность быть признательным, ум, честность. Верность аристократическому кодексу поведения отражают и авторские принципы изложения материала, в частности, отсутствие характерных для большинства мемуаристов уверений в правдивости повествования, которая подразумевается как само собой разумеющаяся. Отмечается, что для мемуариста честность не означала абсолютной откровенности, способной задеть другого человека, поэтому он сосредотачивается на публичной жизни и проявляет сдержанность в отношении сферы частного, ограничиваясь намеками, а чаще и вовсе о ней умалчивая. Эта особенность повествовательной тактики рассматривается на примере взаимоотношений автобиографического героя с его возлюбленной герцогиней де Лонгвиль, женой, отцом и другими членами семьи. Анализ позволяет заключить, что аристократический кодекс поведения ограничивал возможности самопрезентации, но вместе с тем задавал матрицу построения автобиографического образа, отражавшую морально-идеологическую позицию Ларошфуко.

Второй раздел «*Функции повествователя*» демонстрирует, что развитие автобиографизма в мемуарах герцога происходит благодаря активизации образа повествователя, проявляющейся в кратких аналитических суждениях, портретных характеристиках, комментариях, оценках (в I и II частях –

самооценках), отсылающих к системе ценностей автора. Критикуя лживые, малодушные, эгоистические действия участников Фронды из обоих враждующих лагерей (Мазарини, герцога Орлеанского, кардинала де Реца, принца де Конде, герцога Немурского и др.), Ларошфуко, во-первых, показывает торжество политических интриг над возвышенными представлениями о героическом, во-вторых, усиливает положительное наполнение образа протагониста как истинного аристократа, верного уходящим идеалам. Такое представление, однако, вступает в противоречие с откликами современников, что свидетельствует об идеализации автобиографического «я».

Образ повествователя помогает автору организовать пространство текста через использование вставных оборотов («как я уже говорил», «о чем мы поведем рассказ ниже», «я сейчас опишу» и т.д.), позволяющих направлять внимание читателя. Отмечается, что в дополнение к этим прямым способам вмешательства в повествование в I и II частях преобладает другая тактика его организации. Мемуарист использует мотив злой судьбы, выполняющий сюжетобразующую функцию.

Таким образом, в мемуарах Ларошфуко автобиографизм присутствует пока еще в слабой степени. Однако свидетельством его нарастания становятся следующие особенности: конструирование автобиографического «я» в свете значимого для автора идеала *honnête homme*, отбор и субъективная интерпретации материала, большее разнообразие функций повествователя.

Второй параграф «Бюсси-Рабютен: участь придворного» также включает два раздела, посвященных своеобразию автобиографизма в рассматриваемом образце жанра. «Мемуары» (1696) Роже де Рабютена, графа де Бюсси (1618–1693) были написаны в годы тюремного заключения и опубликованы согласно завещанию автора после его смерти.

В первом разделе «*Образ honnête homme – galant homme – homme galant*» отмечается, что Бюсси сразу указывает на желание автобиографического героя стать настоящим *honnête homme* и добиться успехов на военном поприще. Подробно описывая его заслуги перед королем, мемуарист оправдывается за

недолгий период службы в рядах фрондеров на начальном этапе гражданского противостояния и стремится создать противовес обвинениям в недостойном поведении. Поводом к ним стали сомнительные и даже скандальные в глазах придворных факты биографии Бюсси. Он их не замалчивает, а добросовестно освещает. Анализ соответствующих эпизодов позволяет утверждать, что поведение протагониста, особенно в начальной части повествования, обнаруживает влияние галантной культуры в двух ее формах: «прекрасной» и «непристойной», в том числе тяготеющей к откровенному либертинажу. Самый серьезный удар по репутации героя нанесла публикация «Любовной истории галлов», в которой с использованием модели галантного романа были сатирически изображены распутные нравы королевских придворных, прикрытые учтивыми манерами.

Для Бюсси мемуары становятся попыткой дистанцироваться от образа беспощадного остролова и насмешника. С этой целью он придерживается фактографической точности и строгой хронологии, цитирует многочисленные письма, приводит оправдания и даже жалобы. Однако, отвечая апологетическому замыслу мемуариста на уровне содержания, эти элементы утяжеляют повествование. С большим успехом Бюсси реализует оправдательную стратегию в тех фрагментах, которые создают эффект галантной беседы за счет использования вставных историй, портретов, афоризмов, поэтических произведений. Жанр мемуаров, не скованный грузом канона, позволяет ему показать себя приверженцем «прекрасной галантности». Бюсси демонстрирует способность писать в характерном для галантной беседы «среднем регистре»: ясно, взвешено, точно, сохраняя при этом изящество и выразительность, избегая усложненных эпитетов и тяжеловесных перифраз. На уровне стиля, ироничного лишь в описании молодости протагониста, а в целом сдержанного, уважительного, корректного, он сглаживает наиболее скандальные эпизоды своей биографии, стремясь таким образом «преодолеть» содержание.

В целом автобиографический образ в мемуарах Бюсси строится на стыке господствовавших в аристократической среде поведенческих моделей и оказывается более разнообразным, чем у Ларошфуко, обнаруживая не только черты *honnête homme*, но и разные грани галантности. Представление о негативных поступках протагониста позволяют нивелировать другие способы проявления автобиографизма: увеличение удельного веса пояснительных элементов в отношении его поведения и композиционно-стилистические особенности, отражающие верность мемуариста принятым в галантном обществе этико-поведенческим нормам.

В разделе *«Литературная эрудиция как автобиографическая черта»* указывается, что важной характеристикой образа Бюсси является наполненность его мемуаров литературными аллюзиями и цитатами. Он предстает прекрасно образованным человеком, но в духе непринужденной галантной беседы избегает нарочитости и излишнего умствования, дозированно используя те знания, благодаря которым заслужил репутацию признанного эрудита и мастера стиля. Доказывается, что значимыми для мемуариста литературными пластами являются римские источники, средневековые сказки, драматургия, поэзия и романная проза XVII века, составлявшие базовый для аристократа эпохи культурный фундамент. Античные отсылки к Горацию, Вергилию, Овидию, Петронии, Цицерону позволяют Бюсси вписать конкретные автобиографические ситуации в ряд общечеловеческих и придать им столь важный для французской литературы раннего Нового времени обобщенно-дидактический смысл. Немногочисленные сказочные сюжеты (о Мелюзине и о храбреце, который ходил страху учиться) связываются с любовными приключениями автобиографического героя и выполняют функцию облагораживания изображаемого, значимую для галантной культуры. Современный литературный контекст, возникающий в аллюзиях и реминисценциях к произведениям Корнеля, Мольера, Абера, Вуатюра, Буало, Ренье, Сент-Амана, Вильдье, Скюдери, Скаррона, помогает Бюсси передать собственные эмоции и оценочные суждения. С учетом отмеченных в мемуарах

контактов Бюсси с представителями словесности (Севинье, Шапленом, Мариньи, Менадьером) это дает возможность сделать вывод о влиянии на него трех важнейших составляющих литературного процесса XVII века: классицистического театра, галантной и бурлескной литературы.

Итак, погруженность в литературный контекст (исторический и современный), любовь к произведениям словесного искусства, галантный образ мыслей являются отличительными чертами автобиографического образа и характеризуют как Бюсси-протагониста, так и повествователя. Те фрагменты мемуаров, в которых на смену хроникальной фиксации событий приходит живой и выразительный рассказ о поведении героя, можно считать наиболее ценными в художественном отношении.

Проведенный в первой главе анализ позволяет констатировать, что нарастание автобиографизма в мемуарах с хроникальной доминантой, обеспечивается, прежде всего, за счет укрупнения роли протагониста в изображаемых событиях, а также развития аналитизма (Ларошфуко), введения частной тематики с акцентом на галантных историях (Бюсси), разнообразия жанрово-стилистических элементов и аллюзивного фона (Бюсси). Сопоставление степени автобиографизма в мемуарах избранных авторов показывает большую традиционность повествования у Ларошфуко и выраженность индивидуальной составляющей у Бюсси-Рабютена.

Третья глава «Жизнь знатной дамы: мемуары сестер Манчини» призвана стать свидетельством того, что во французской мемуаристике второй половины XVII века начинает все более уверенно звучать женский голос. Гортензия и Мария Манчини – племянницы кардинала Мазарини, оказавшего значительное влияние на их судьбы. Хотя сестры были моложе других представителей «поколения Реца», имели иностранные корни и часть жизни провели за пределами Франции, описанный в их сочинениях временной период приходится на годы расцвета монархии Людовика XIV, а сами мемуары, носящие завершённый характер и опубликованные при жизни авторов, имеют ярко выраженную автобиографическую направленность. Глава включает три

параграфа: первый и второй монографически представляют мемуары каждой из сестер, третий затрагивает значимую для обеих проблему культурного самоопределения.

Первый параграф «Гортензия Манчини: la galanterie dévouée» согласно времени публикации посвящен «Мемуарам» (1675) младшей сестры. Гортензия Манчини (1646–1699) писала их в Савойе, где вынуждена была находиться, спасаясь от преследований мужа. Перипетии ее судьбы, отраженные в жизнеописании автобиографической героини, анализируются в разделе *«История женщины в ракурсе семейного конфликта»*. Мемуары Гортензии становятся своего рода защитной речью, призванной поддержать ее репутацию и послужить весомым аргументом в конфликте с супругом. Автобиографизм в них заметно усиливается за счет концентрации повествования на образе протагонистки и изображении обстоятельств семейной жизни. Такой подход приводит к появлению темы детства, попыткам изображения внутреннего мира и самоанализа, расширению эпизодов частного характера. Мемуаристка подчеркивает драматизм судьбы автобиографической героини, описывая многочисленные примеры недостойного поведения супруга и используя лексику, семантически связанную с идеей надзора и угнетения. В отличие от мемуаров, созданных мужчинами, этот драматизм предстает следствием не поворотов истории или внешних событий, а внутрисемейных отношений: родственных связей с кардиналом Мазарини и тирании мужа. Смещение повествовательных акцентов на автобиографическое «я» дополняет авторская стратегия на самооправдание, заключающаяся в стремлении создать образ благородной дамы, отвечающий этическим требованиям эпохи.

Насколько реализация этого замысла оказалась успешной, показывает следующий раздел *«Повествовательные регистры: от апологетики до насмешки»*. Осуществленный в нем анализ тактики представления биографического материала и особенностей стиля мемуаристки позволяет утверждать, что автобиографический образ оказывается неоднозначным. С одной стороны, Гортензия опровергает клевету в свой адрес, в том числе

приводя суждения сторонних наблюдателей. С другой, – вообще не описывает либо интерпретирует подчеркнуто невинно наиболее скандальные эпизоды своей биографии (отношения с братом Филиппом или маркизой де Курсель), вызывавшие подозрение не только в «сбившейся с пути галантности», но и в либертинаже. Мемуаристка чередует драматические и комические эпизоды, цитирует стихотворные строки, вводит прямую речь, обращается к адресату, чтобы придать своему рассказу характер нескучной галантной беседы. Вместе с тем она использует сниженную лексику и проявляет негативные эмоции (в том числе в отношении Мазарини, передавшего ей по наследству свое состояние, титул и фамилию), нередко прибегает к риторической иронии и даже насмешке, тем самым выходя за границы «прекрасной галантности». Манера автобиографического повествования, таким образом, балансирует на грани совпадения/несовпадения с господствовавшими в придворном обществе словесными и поведенческими практиками.

Итоговый вывод параграфа заключается в том, что своеобразие автобиографизма в мемуарах Гортензии Манчини просматривается на уровне не только содержания, но и повествовательной манеры. Ее сочинение представляет собой образец светских мемуаров, где на место претендующей на историческую ценность хроники приходит изображение частной жизни и внутрисемейных событий, значимых для истории индивидуальной. Замысел автора имеет апологетическую направленность, но искажения фактов, умолчания, интонационно-стилистические особенности вступают в противоречие с декларируемыми намерениями, что усложняет представление об автобиографическом «я».

Во *втором параграфе «Мария Манчини: нормативный образ»* рассматриваются «Мемуары» (1678) старшей сестры Гортензии. Судьба Марии Манчини (1640–1715), выданной замуж против воли и долгое время спасавшейся от преследований мужа, была во многом схожа с жизнью Гортензии.

Автобиографический образ, проанализированный в первом разделе *«Траектория судьбы: от надежд на трон до гонений»*, служит тому подтверждением. Сочинение Марии стало реакцией на публикацию приписанных ей псевдомемуаров, скандализовавших двор. Мемуаристка решила опровергнуть клевету и правдиво – такова ее эксплицированная установка – рассказать о своей жизни с детства до момента вынужденного пребывания в Испании, равносильного изгнанию. При тематической и временной близости к мемуарам Гортензии автобиографический образ Марии заметно отличается. Уже в рассказе о детстве она предстает нелюбимым ребенком, а затем жертвой проводимой Мазарини большой политики, разрушившей ее любовь к Людовику XIV и надежды на трон. Описывая драматические перипетии семейной жизни, мемуаристка, в отличие от Гортензии, делает акцент не на недостатках мужа, а на собственных достоинствах, отвечающих образу благородной дамы. Новые свойства автобиографизма в мемуарах Марии связаны с изображением эмоционального и физического состояния протагонистки, а также более подробным описанием ее светского времяпрепровождения в галантном стиле. В целом в автобиографическом образе акцентируются неординарность и положительные качества героини.

В разделе *«Повествовательная установка и самоцензура»* более подробно раскрывается нацеленность Марии на изображение эмоций и чувств протагонистки, сопровождаемых комментариями повествовательницы, что отчетливее выявляет ее индивидуальность. При этом излишняя аффектация мемуаристке не свойственна. Сохраняя сдержанность, она стремится придать своим суждениям взвешенный характер и остаться в рамках аристократического кодекса поведения. Это особенно очевидно в изображении Людовика XIV и кардинала Мазарини. Комментарии и оценки демонстрируют уважение Марии к обоим. Несмотря на накопившиеся обиды, она занимает позицию не оскорбленной в своих чувствах женщины, а почтительной придворной. Ее желание произвести благоприятное впечатление отражают

искажения биографического материала, намеки и умолчания, которые анализируются в разделе. Такая тактика в соединении со строгим стилем помогает мемуаристке вызвать сострадание читателя и доказать незаслуженный характер тех гонений, которым она была подвергнута по настоянию супруга.

Итак, в мемуарах Марии Манчини автобиографизм проявляется в изображении событий ее частной жизни, в усилении саморефлексии, передаче эмоционального состояния. Скрытая тенденциозность этих мемуаров просматривается в том, что автобиографический образ проходит сквозь фильтр самоцензуры, подвергается рационалистической лакировке и предстает близким к нормативному.

В третьем параграфе «Культурная идентичность в мемуарах сестер Манчини» анализируется важная для раскрытия автобиографического образа проблема, обусловленная итальянским происхождением и французским воспитанием мемуаристок. Утверждается, что сестры Манчини смотрели на свою историческую родину сквозь призму иного культурного сознания. Стиль жизни в Италии они парадоксальным образом оценивали как чуждый, а редкие привлекательные элементы итальянской культуры воспринимали благодаря соответствию представлениям о французских придворных нравах. Гортензия и Мария ориентировались на французскую модель, считая ее эталонной. Но образ Франции не лишен в мемуарах опосредованной критики, выраженной в выборе адресата и хронотопе, свидетельствующем о том, что в момент кризисных отношений с двором Людовика XIV обе женщины стремились обрести свободу на территориях, обладавших относительной независимостью от власти французского короля. Сестры Манчини, будучи итальянками по рождению, чувствовали себя француженками. Они использовали мемуарный жанр для демонстрации своей приверженности Франции, что для обеих являлось важной составляющей концепции автобиографического «я».

Главу завершает вывод о том, что в мемуарах сестер Манчини автобиографический образ оказывается в центре внимания и дополняется новыми гранями, связанными с частной сферой (детство, замужество,

семейный конфликт), светской повседневностью (развлечения, финансовые вопросы), эмоциональной (реакции, жалобы, восклицания) и физической составляющими (болезни). Мемуаристки создают жизнеописание знатной дамы – супруги, подданной, француженки по воспитанию и самоощущению, – что позволяет говорить об определяющем влиянии социального статуса на автобиографизм второй половины XVII века. Сходство судеб приводит к созданию типологически близких автобиографических образов, которые, однако, различаются по смысловому наполнению благодаря особенностям авторского стиля и повествовательной стратегии.

В четвертой главе **«Политик и писатель: мемуары кардинала де Реца»**, состоящей из шести параграфов, исследуется своеобразие автобиографического образа в самом знаменитом образце французской мемуаристики XVII века. Жан-Франсуа-Поль де Гонди, кардинал де Рец (1613–1679) работал над рукописью трех частей своих незавершенных «Мемуаров» (авторское название «Жизнеописание кардинала де Реца», опубл. 1717) в последние годы жизни, когда находился в опале и реализовывал себя, главным образом, как человек *пишущий*.

В первом параграфе **«Автобиографический пакт»** изучается традиционный для жанра мемуаров зачин. Он позволяет проанализировать эксплицированные в тексте авторские намерения и продемонстрировать их скрытую подоплеку; обозначить существующие в рецензии версии относительно фигуры адресата мемуаров и показать убедительность аргументации в пользу госпожи де Севинье; соотнести авторскую установку на правдивость повествования с отклонениями от объективных фактов или их пропусками; охарактеризовать отношение мемуариста к трудам ученых-историков. Подчеркивается, что уже на уровне автобиографического пакта кардинал де Рец в духе аристократического презрения к любым видам профессиональной деятельности утверждает саму возможность свободной манеры письма, не скованной эстетическими нормами, а определяемой особенностями его индивидуальности.

Начальный этап жизненного пути протагониста рассматривается во втором параграфе *«Молодость Реца: галантный кавалер и заговорщик»*. Утрата нескольких фрагментов рукописи проблематизирует вопрос о содержании мемуаров, не позволяет составить законченный автобиографический образ, но дает возможность определить его особенности. О наполнении первой части можно судить по сохранившемуся тексту, включающему публичные и частные события, связанные с молодостью Реца (истории о дуэлях, ухаживаниях за дамами, политических заговорах). Образ протагониста изначально строится на противоречии между склонностью к любовным утехам (в описании которых реальные факты дополняет, а иногда и замещает творческое воображение автора) и предопределенной саном священника необходимостью быть образцом безукоризненного следования морали. Это противоречие, равно как честолюбивые планы героя, стремившегося проявить себя на духовном поприще и в сфере политики, вскрывает самоанализ повествователя.

Первая часть мемуаров показывает истоки будущего фрондерства Реца, поэтому важную роль в ней играет его самоопределение по отношению к кардиналам Ришелье и Мазарини. Объяснить причины оппозиционности протагониста политике королевского двора призван сопоставительный портрет кардиналов. Он отражает характерную для всех мемуаристов-фрондеров критику тирании всесильных министров и важных в автобиографическом плане установок, связанных с восхищением повествователя величием замыслов, умом, благородством одного (Ришелье) и с неприятием плебейства, иностранного происхождения, низкого интриганства другого (Мазарини). Суждения Реца о кардиналах служат комментарием к рассказу о событиях Фронды и собственном в них участии, чему посвящено дальнейшее повествование. Уже начало мемуаров, таким образом, позволяет сформулировать тезис о том, что самореализация в сфере политики составляет сердцевину образа автобиографического героя и главный объект внимания мемуариста.

Образ Реца как политика раскрывается в *третьем параграфе «Grand homme и истинный француз или тайный макиавеллист?»*. Автор мемуаров концентрируется на тех эпизодах, которые позволяют максимально выигрышно показать именно его роль во Фронде и других исторических перипетиях эпохи. Отмечается, что гипотетическая версия развития событий занимает внимание Реца не меньше, чем реальная, поскольку отвечает его внутренним устремлениям. Автобиографический образ строится с явной ориентацией на героическую модель *grands hommes* («великих людей»), подлинных творцов истории. Он конструируется в соответствии с представлением о благородном, умном, неординарном человеке, преданном интересам Франции, способном рисковать и действовавшем в соответствии с грандиозными планами, реализации которых помешали лишь неблагоприятные обстоятельства.

Однако целый ряд эпизодов (подстрекания герцога Орлеанского, ухаживания за королевой, получение кардинальской шапки и др.) выявляет несовпадение авторских намерений с объективной оценкой поступков протагониста, обнаруживающего умение маневрировать, притворяться, вести «двойную игру», то есть использовать в политической деятельности принципы, обозначенные в трактате Макиавелли «Государь». Эти качества четко отражаются на лексическом уровне в комментариях повествователя, подробно анализирующего механизмы политических интриг и опускающего лишь наиболее компрометирующие героя факты. Эксплицированная в тексте критическая оценка идей итальянского мыслителя вступает в противоречие с концепцией автобиографического «я», а также некоторыми суждениями мемуариста, знатока трактата, касающимися государства и носителей власти. По мере раскрытия автобиографического образа обнаруживается непростое балансирование Реца между двумя полюсами: желанием сохранить верность аристократическому идеалу *grand homme* и необходимостью действовать согласно прагматичным законам реальной политики, определявшим поведенческую практику при французском дворе и свидетельствовавшим об эволюции концепции героического во второй половине XVII века.

В *четвертом параграфе «Священник поневоле»* рассматривается отношение автобиографического героя к духовному служению и влияние на Реца религиозного климата эпохи. Подчеркивается, что мемуары не затрагивают вопросов веры и носят целиком светский характер. Выбор духовной карьеры преподносится в них как результат неблагоприятного стечения обстоятельств, не позволивших реализоваться другим честолюбивым планам протагониста. Своеобразный характер религиозности Реца показывают его взаимоотношения с янсенистами и теми, кто сочувствовал идеям господ из Пор-Рояля. Кардинал де Рец с его пылким темпераментом и равнодушием к моральной строгости не был янсенистом, но в приверженцах знаменитого монастыря видел политических сторонников в борьбе с Мазарини, что подтверждают приведенные в мемуарах факты контактов с ними. Однако в момент работы над рукописью он предпочел не акцентировать эти связи, чтобы не усугублять сложные отношения с французским двором и с Римским престолом. Сущность самого учения янсенистов, по всей видимости, его не затронула ни в годы Фронды, ни на этапе мемуаротворчества. В автобиографическом сочинении кардинала нет мысли о покаянии, равно как истории духовного пути к Богу, изложенной в «Исповеди» Августина Аврелия. Рец предстает не верующим христианином и духовным пастырем, а человеком и политиком, использовавшим религию как инструмент в политической борьбе, то есть для достижения вполне земных целей. С учетом его высокого духовного сана это особенно показательно свидетельствует о секуляризации автобиографического образа в жанре мемуаров.

Пятый параграф «Литературный контекст» показывает проникновение в автобиографическое повествование реалий литературной жизни второй половины XVII века. Отмечаются контакты протагониста с литераторами (в первую очередь памфлетистами Мариньи и Саразеном, что дает возможность показать полемический талант Реца), комментируются суждения повествователя об их деятельности, анализируются отсылки к разнообразным источникам, обнаруживающие пересечения с мемуарами Бюсси

(античная литература, сказки, современный контекст). Как и в его сочинении, упоминания античных, по преимуществу римских, авторов отражают ценностные установки самого Реца, а развернутая аллюзия к «Астрее» Оноре д'Юрфе показывает его погруженность в галантную культуру. Однако в мемуарах кардинала в большей степени проявляется не галантно-героическая, а плутовская традиция романа. Она становится источником аллюзий к двум испанским образцам («Ласарильо с Тормеса», «История жизни пройдохи по имени дон Паблос»), оказывает влияние на повествовательную технику, что подтверждает анализ эпизода о пребывании Реца в заключении и побеге из тюрьмы. Особую значимость для мемуариста имеет театральная традиция (Корнель, Мольер, итальянская комедия дель арте). Проявляясь в аллюзиях, цитатах, словоупотреблениях, построении сцен, метафорах (театра, игры, роли и т.д.), она усиливает в тексте черты художественности и соотносится с мировоззренческими принципами автора.

В *шестом параграфе «Рец как художник слова»* рассматриваются новаторские черты индивидуальной авторской манеры мемуариста и влияние на нее жанрово-стилистических особенностей французской литературы середины XVII века. В мемуарах настойчиво звучит голос повествователя, функции которого выходят за рамки характерного для жанра комментирования и оценивания событий. Он постоянно обращается к адресату, словно ведя с ним салонную беседу, что придает мемуарам ритм, живость и разнообразие. Рец дает пояснения по поводу не только изображаемого, но и организации повествования. Впервые в истории жанра план повествования (настоящее) оказывается столь же значим, как рассказываемая история (прошлое).

Укрупнение образа повествователя проявляется в постоянном использовании приема «двойного регистра». Рассмотренные примеры совмещения в процессе самоанализа точки зрения протагониста и повествователя позволяют сделать вывод о том, что Рец, представляющий себя в мемуарах фигурой публичной, не стремится к интроспекции, а сосредотачивается на помыслах и поступках, выявляет причинно-следственные

связи, обнаруживает логику в суждениях, тяготеет к обобщениям. Эти характерные для рационалистического XVII века черты отражаются в афоризмах, тематика которых касается не человеческой природы вообще в духе Ларошфуко, а политики и политиков, то есть соотносится с концепцией автобиографического образа. Влияние эстетических примет эпохи также сказывается в использовании других приемов (параллельных синтаксических конструкций, антитезы) и жанров («галерея портретов»). С учетом объекта диссертационного исследования из многочисленных суждений Реца о других людях в центре внимания оказываются характеристики Мадемуазель и Ларошфуко. В первом случае его точка зрения представляется достаточно взвешенной, тогда как во втором – пристрастной, определяемой личной неприязнью, желанием дать симметричный ответ на негативный портрет Реца в мемуарах Ларошфуко и скорректировать автобиографический образ. Параграф завершает мысль о том, что аналитическое начало и образно-стилистическое мастерство, в котором проявился писательский талант автора, определяют специфику автобиографизма в этом образце жанра.

Проведенный в главе анализ показал, что посредством мемуаротворчества Рец не столько стремится к реваншу над противниками или обнаружению малоизвестных фактов, сколько подводит итог прожитой жизни. Его мемуары становятся в большей степени самоутверждением, чем самооправданием. Мемуарист проявляет себя в качестве своеобразного режиссера-постановщика тех драматических эпизодов прошлого, в которых неизменно выступал главным героем. Пусть в качестве реального участника исторических событий он далеко не всегда оказывался в выигрыше, но как герой, а главное, творец одного из самых известных в истории литературы мемуарных произведений кардинал де Рец вполне компенсировал свой неуспех.

В пятой главе **«Самопрезентация принцессы: мемуары Мадемуазель»** объектом исследования становится автобиографическое сочинение представительницы королевской династии Бурбонов. Анна-Мария-Луиза-Генриетта Орлеанская, герцогиня де Монпансье (1627–1693), именуемая

Мадемуазель, была внучкой Генриха IV, племянницей Людовика XIII, кузиной Людовика XIV. Свидетельством ее удивительной судьбы стали «Мемуары» (опубл. в 1717), начатые в годы первого изгнания после поражения Фронды, создававшиеся на протяжении почти сорока лет и не завершённые автором.

В *первом параграфе «Авторские интенции»* подробно рассматриваются этапы работы Мадемуазель над рукописью и влияние времени на ее отношение к тексту. Толчком к формированию автобиографического замысла послужили уговоры придворных ссыльной принцессы, а также чтение (в том числе упомянутых в тексте мемуаров Маргариты де Валуа) и литературные занятия. На авторские интенции могли оказать влияние распространённые в аристократических кругах мемуары современников, а также автобиографические сочинения, связанные с духовной традицией Пор-Рояля. Если изначально Мадемуазель адресовала свои воспоминания ближайшему окружению, то впоследствии – безымянным потомкам. Комментарии мемуаристки показывают, что она опиралась на свою память, сознательно избегала общеизвестной информации, отражённой в трудах историографов, воспринимала свое творчество как любительское. Анализ динамики авторского отношения к тексту позволяет заключить, что Мадемуазель начала писать мемуары ради развлечения, вскоре стала испытывать удовольствие от автобиографического творчества, а затем ощутила потребность целостно взглянуть на свою жизнь. В конечном итоге ее интенции, как и в случае с кардиналом де Рецем, приобрели экзистенциальную направленность.

Важной особенностью конструирования автобиографического образа в мемуарах Мадемуазель является описание детства. Этот тезис раскрывается во *втором параграфе «Тема детства»*. Как значимый этап формирования образа протагонистки тема освещается сестрами Манчини, что было показано в третьей главе. Однако «детский» фрагмент мемуаров Мадемуазель по времени был написан ранее, поэтому можно утверждать, что эту тему она впервые разрабатывает специально и подробно. Детство изображается как период, когда складываются основные черты автобиографического образа. С первых страниц

Мадемуазель представляет протагонистку особой королевского ранга и уже в рассказе о детстве намечает два основных вектора выстраивания ее образа – героический и галантный.

Детские воспоминания имеют эмоциональную основу и дополняются комментариями повествовательницы, которые либо усиливают значимые черты автобиографической героини (высокий статус, надежды на блестящий брак, чувство собственного достоинства, смелость, разумность, эмоциональность), либо превращаются в самоиронию, что создает эффект «двойного регистра». Мемуары фиксируют особенности детского восприятия действительности и могут расцениваться как одна из первых литературных попыток дифференцировать образы взрослого и ребенка. Годы детства не идеализируются, но изображаются ностальгически как время утраченной гармонии и психологического комфорта. Для ссыльной принцессы взгляд в детство становится своего рода терапией, убеждающей в возможности восстановить добрые отношения с ближайшими родственниками – членами королевской семьи и особенно Людовиком XIV.

В *третьем параграфе «Автобиографический образ и идеал героического феминизма»* объясняются причины конфликта Мадемуазель с королевским двором и раскрывается героическое начало в образе протагонистки. Явственнее всего эта грань автобиографического «я» проявляется в развитии одной из главных тем мемуаров – Фронды. В центре внимания мемуаристки оказываются события 1652 года, связанные с ее непосредственным участием в гражданском противостоянии, а именно два эпизода: вступление в Орлеан и сражение в Сент-Антуанском предместье. Мадемуазель объясняет поступки протагонистки следованием долгу, который она, как и многие представители французской знати, вставшие на сторону фрондеров, видела в укреплении союза короля и принцев крови в противовес влиянию Мазарини.

Анализ показывает, что оба эпизода строятся в свете идеала героического феминизма, сформировавшегося в аристократической среде под влиянием

легендарных судеб французских женщин (от Жанны д'Арк до таких «*femmes fortes*» из королевского рода, как Маргарита Наваррская, Маргарита Савойская, Маргарита де Валуа) и популярных в окружении Анны Австрийской и салоне маркизы де Рамбуйе литературных образов (Афины Паллады, воительниц-амазонок из поэм Ариосто и Тассо, героинь Корнеля). Этот идеал повлиял на конструирование автобиографического образа отважной принцессы, достойной славы Бурбонов, ведомой Провидением и поддерживаемой народом. В мемуарах наблюдается движение от славной героини «штурма» Орлеана к трагической героине сражения в Сент-Антуанском предместье. Если первый эпизод, при всей его фактической незначительности, наиболее соответствовал представлениям Мадемуазель о собственном высоком предназначении, то второй, будучи одним из знаменательных в истории Фронды, сыграл поворотную роль в ее судьбе, лишив благоволения Людовика XIV. Этот эпизод представляет собой достоверную и выразительную картину кровавого сражения, свидетельствующую о наполнении образа героини новыми чертами (милосердием, состраданием, мудростью) и развитии аналитической техники мемуарного повествования.

Мадемуазель связывала героическое начало с идеей величия королевской династии и всего французского государства. Качества протагонистки как истинной француженки ярко проявляются в описании второй ссылки, ставшей следствием ее отказа выходить замуж за короля Португалии. Анализ этого эпизода подтверждает, что для Мадемуазель Франция является самым значительным из всех европейских государств. Автобиографическое повествование, таким образом, дает ей возможность утвердиться в мысли о принадлежности к великой династии и показать себя верной подданной французского монарха.

В *четвертом параграфе «Галантность и любовно-брачный сюжет»* отмечается, что особой приметой судьбы Мадемуазель стало ее положение незамужней кузины Людовика XIV, предопределившее важность в автобиографическом повествовании темы любви и брака. Мемуары

демонстрируют своеобразие отношения Мадемуазель к галантному дискурсу в совокупности его идеальной модели и реальной поведенческой практики при французском дворе второй половины XVII века. Взгляды мемуаристки, рассмотренные на основе анализа словоупотреблений с корнем «gal» и соответствующих теме эпизодов, обнаруживают понимание смысловых нюансов, связанных с понятием галантности, и явное тяготение к ее прекрасному идеалу.

Развитие центрального любовно-брачного сюжета – любви к графу де Лозену – подтверждает значимость галантной модели для повествования в целом, однако определяется не столько ее влиянием, сколько потребностью Мадемуазель подробно описать переломный момент своей жизни во всей его неповторимой уникальности. О том, что любовь к Лозену является для мемуаристки важнейшим автобиографическим событием, свидетельствуют объективные факторы: большой текстовый объем, отведенный его описанию, высокая степень подробности, явное замедление темпа повествования. В структуре этого фрагмента выделяются и рассматриваются несколько последовательно выстраивающихся эпизодов: осознание чувства, галантная игра, признание и объяснение влюбленных, разговор с королем, ожидание свадьбы, крушение надежд на брак, стенания Мадемуазель, арест Лозена, попытки выволить его из тюрьмы, возвращение графа, разочарование в нем. Мемуаристка в рациональном ключе логически выстраивает любовную историю, точно располагает события на временной оси вплоть до дней и часов, пытается установить причинно-следственные связи. Вместе с тем она драматизирует повествование через воспроизведение диалогов посредством прямой речи, метафорического использования лексики, литературных аллюзий, предвосхищений, что усиливает художественный эффект фрагмента. История несостоявшегося замужества Мадемуазель свидетельствует о росте ее писательского мастерства, усилении интроспекции, развитии мемуарной техники в направлении большего внимания к эмоционально-чувственной сфере автобиографической героини и ее частной жизни.

В *пятом параграфе «Авторское «я» в искусстве портретирования»* рассматриваются портреты, включенные в мемуарное повествование. Их анализ обусловлен, во-первых, стремлением показать субъективный характер изображения «другого» в мемуарах Мадемуазель, во-вторых, значимостью ее роли в формировании жанра портрета во французской литературе второй половины XVII века. Принцесса была в числе авторов анонимного сборника «Разнообразные портреты» (1659), публикация которого способствовала распространению моды на этот жанр в салонной и придворной среде.

В мемуарах портреты создаются с использованием принципов, апробированных в сборнике, но в целом выполняют иную функцию. Мадемуазель не ставит своей задачей создание полноценного представления о человеке, а использует портретирование как прием, во многом позволяющий более рельефно очертить автобиографический образ. Портреты интегрируются в повествование, рассеиваются по тексту, как у Ларошфуко и Бюсси, отличаются большим лаконизмом, по сравнению с мемуарами мужчин, содержат повествовательные и рефлексивно-оценочные элементы, в структурном плане отходят от устойчивой жанровой схемы, в качестве важной характеристики включают описание костюма. По преимуществу они строятся с использованием устойчивых риторических оборотов, характерных для культуры «готового слова», но отбор качеств портретируемого зависит от индивидуальных предпочтений Мадемуазель и иллюстрирует систему ее морально-этических ценностей. Высокий статус принцессы крови позволяет мемуаристке не ретушировать портреты, смело высказываться о людях, что усиливает субъективность изображения и отчетливо выявляет автобиографическую интенцию ее мемуаров.

Шестой параграф «Грани автобиографического образа: телесное и духовное» позволяет показать, насколько разнообразным предстает «я» Мадемуазель в ее мемуарах. Выявляя основные черты характера и поведения протагонистки, она не замалчивает слабости, недостатки, ошибки. В центре анализа оказываются телесная и духовная составляющие автобиографического

образа. Внимание мемуаристки к телу проявляется в описании эмоциональных реакций (чаще всего слез), болезней, костюма. Как приятные, так и непривлекательные детали собственной внешности помогают Мадемуазель укрупнить автобиографический образ, акцентируя адекватность ее самооценки и драматизм судьбы. Она не боится разговора о теле, руководствуясь не трактатами о вежестве, налагавшими ограничения на эту тему, а поведенческой практикой членов королевской семьи, телесная сторона жизни которых носила по преимуществу публичный характер.

В мемуарах намечаются контуры внутреннего мира протагонистки (особенно в истории любви к Лозену), проявляется интерес к сверхъестественному, как в мирском (предчувствия, предзнаменования), так и в религиозном смысле слова. Анализ, направленный на определение основного вектора эволюции религиозных взглядов Мадемуазель и их влияния на автобиографический образ, позволяет заключить, что детство и молодость стали периодом формирования христианских основ ее нравственности, тогда как подлинное развитие духовности протагонистки обозначилось только в зрелые годы. Она никогда всерьез не стремилась посвятить себя служению Всевышнему, поскольку видела знак Божественной избранности в том высоком положении, которое занимала по рождению. Если на начальном этапе мемуаротворчества Мадемуазель акцентировала в действиях героини проявления Божественного чуда, то по мере нарастания жизненных невзгод, сопровождавших процесс работы над рукописью, все чаще констатировала безграничную и непредсказуемую волю Провидения. Следствием этого стала готовность принять свою судьбу, но покаяние, характерное для религиозной исповеди, в мемуарах не отразилось. Развитие автобиографического образа показывает, что духовность Мадемуазель, оставаясь в пределах светской культуры, проявилась в желании достойно следовать христианским заповедям. Об этом свидетельствуют изменения в ее внутреннем мире, отразившиеся в усилении моральной проблематики, саморефлексии и интроспекции.

Выводы пятой главы заключаются в том, что в мемуарах Мадемуазель автобиографизм проявляется особенно отчетливо и развернуто, присутствует на разных уровнях повествования: сюжетном, образном, композиционном, стилистическом. Автобиографический образ конструируется с опорой на модели галантно-героической культуры, но при этом предстает глубоко индивидуализированным. Мемуаротворчество становится для Мадемуазель способом самоутверждения и своего рода доказательством того, что при всех невзгодах судьбы она всегда оставалась достойной принцессой из королевского рода Бурбонов, истинной француженкой и знатной дамой. В таком качестве мемуаристка по праву является главной героиней повествования и изображается как в сфере публичной активности, так и в ситуациях, соотносимых с частной жизнью. Королевское происхождение предопределяет свободу тона и смелость высказывания Мадемуазель, укрепляет уверенность в значимости ее самопрезентации и весомости слова. Таким образом, эта представительница династии Бурбонов, выступавшая воплощением культуры Франции Старого порядка, создает мемуары, которым высокая степень автобиографизма придает современное звучание.

Заключение диссертации подводит итоги проведенного исследования. Оно показало, что во французской прозе второй половины XVII века жанр мемуаров давал возможность для развития автобиографизма. Укрепление абсолютизма в годы правления Людовика XIV благоприятствовало расцвету жанра и парадоксальным образом привело к усилению в нем автобиографического начала, что особенно проявилось в сочинениях аристократов. Если официальная историография, укрепляя позиции монарха, затушевывала историческую роль знати, то мемуары давали возможность авторам восстановить справедливость и запечатлеть свой образ для потомков. Мемуаротворчество выполняло апологетическую, терапевтическую и телеологическую функции. Используя разнообразные повествовательных стратегии, мемуаристы укрупняли собственное «я» и посредством схожих тактик конструировали его, подвергая корректировке и лакировке.

Ненормативный характер располагал мемуары вне поля профессиональной деятельности, что оправдывало приобщение аристократов к такому виду творчества. Они были знакомы с жанровыми образцами, но при этом писали свободно, руководствуясь собственными намерениями. Это привело к существенным изменениям жанра, свидетельствующим об усилении автобиографизма. В проанализированных текстах практически отсутствует родословная, что позволяет констатировать смещение фокуса авторского внимания с истории рода на историю индивидуальную; происходит укрупнение образа протагониста, который становится главным объектом изображения; наблюдается усиление роли повествователя за счет нарастания аналитико-оценочных элементов, использования приема «двойного регистра», активизации фигуры адресата; развивается интроспекция и моральная проблематика; проявляется образно-стилистическая оригинальность; вводятся новые темы частного характера, включая такие, которые традиционно считаются нерелевантными для литературы периода (детства, уединения).

Мемуары обнаружили тематическую близость, вызванную повлиявшими на судьбы авторов историческими событиями (прежде всего, Фрондой) и необходимостью самоопределения по отношению к фигуре Людовика XIV. Тематические переключки оказались обусловлены и гендерной принадлежностью мемуаристов. В сочинениях женщин специально и подробно разрабатывается тема любви и брака. Она приобретает частное измерение и приводит к развитию новых граней автобиографизма, связанных с изображением эмоциональности, телесности, бытовой повседневности.

Стремление создать убедительный автобиографический образ, в том числе в соответствии с доминировавшими в аристократической среде культурными моделями (героической и галантной), способствовало развитию в мемуарах черт художественности. Об этом свидетельствуют подвижность интонационных регистров, использование разножанровых элементов (портретов, афоризмов, стихотворных включений), наличие сюжетно завершенных вставных историй, ориентация на повествовательную матрицу

авантюрно-приключенческого и галантного романов, драматизация повествования, описательная техника в отношении предметов и костюма, метафорическая образность. Одновременно жанр мемуаров оказывал обратное влияние на литературу и, главным образом, роман на уровне заимствования приемов, указывающих на достоверность повествования (автобиографического пакта, обращений к адресату, фактической конкретики и т.д.).

Таким образом, за счет усиления автобиографизма в мемуарах французских аристократов второй половины XVII века «жанр смещается»³ и его периферийные элементы начинают вытеснять основные. В результате мемуары все больше отходят от большой истории и сближаются с литературой, что в дальнейшем будет способствовать трансформации внутри всего корпуса автобиографической прозы и формированию нового литературного жанра – автобиографии.

Публикации по теме диссертации в журналах, включенных в перечень ВАК:

1. Павлова, С.Ю. Статус мемуаров во французской литературе XVII века / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2011. – Т. 11. № 1. – С. 31–36.
2. Павлова, С.Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2012. – Т. 12. № 4. – С. 40–46.
3. Павлова, С.Ю. Образ кардинала Мазарини в мемуарах сестер Манчини / С.Ю. Павлова // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. №. 2. – С. 207–215.
4. Павлова, С.Ю. Судьба аристократки в мемуарах сестер Манчини и проблема социальных рисков / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2013. – Т. 13. № 2. – С. 49–54.

³ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 256.

5. Павлова, С.Ю. Частная жизнь в «Мемуарах» герцога Ларошфуко / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. № 1. – С. 39–43.
6. Павлова, С.Ю. Авторские интенции в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 57–60.
7. Павлова, С.Ю. Героическое начало в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. № 4. – С. 61–66.
8. Павлова, С.Ю. Детство в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15. № 3. – С. 63–67.
9. Павлова, С.Ю. Образ опальной принцессы в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2016. – Т. 16. № 1. – С. 50–53.
10. Павлова, С.Ю. Галантность и любовно-брачный сюжет в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 242–268.
11. Павлова, С.Ю. Изгнание и мемуаротворчество: случай Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 146 (4). – С. 177–188 (индексируется в Web of Science).
12. Павлова, С.Ю. Людовик XIV в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 195–200.
13. Павлова, С.Ю. Портреты в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 45. – С. 193–203 (индексируется в Scopus).
14. Павлова, С.Ю. Религиозный аспект в трансформации автобиографического образа Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова //

Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 3. – С. 19–27.

15. Павлова, С.Ю. Телесность в автобиографическом образе Мадемуазель-мемуаристки / С.Ю. Павлова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 2. – С. 40–46.

16. Павлова, С.Ю. Кардинал де Рец и идеи Никколо Макиавелли (по материалам «Мемуаров») / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18. № 2. – С. 170–174.

17. Павлова, С.Ю. Цитаты и аллюзии в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена / С.Ю. Павлова // Известия РАН. Серия Литературы и языка. – 2018. – Т. 77. № 2. – С. 50–59 (индексируется в Web of Science).

Публикации в других изданиях:

18. Павлова, С.Ю. Авторское «я» в «Мемуарах» Филиппа де Коммина / С.Ю. Павлова // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. Вып. 2. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 209–214.

19. Павлова, С.Ю. Автобиографическое начало в Первой части «Мемуаров» кардинала де Реца / С.Ю. Павлова // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2007. – С. 330–334.

20. Павлова, С.Ю. Мемуарно-автобиографические жанры: к проблеме границ / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – 2008. – Вып. 1. – С. 59–62.

21. Павлова, С.Ю. Мемуары и автобиография: К проблеме истории и теории жанров / С.Ю. Павлова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 64 с.

22. Павлова, С.Ю. Риски литературного творчества в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена / С.Ю. Павлова // XXXIII Зональная конф. литературоведов Поволжья: сб. науч. тр. и метод. материалов. – Саратов. 2012, – С. 263–269.

23. Павлова, С.Ю. Аристократ и власть в «Мемуарах» герцога Ларошфуко / С.Ю. Павлова // Власть в обществе риска : нормы, ценности, институты. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2013. – С. 270–275.
24. Павлова, С.Ю. Форма повествования в «Мемуарах» герцога Ларошфуко / С.Ю. Павлова // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. науч. тр. Вып. 5. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2014. – С. 199–203.
25. Павлова, С.Ю. Развлечения аристократки в «Мемуарах» Гортензии Манчини / С.Ю. Павлова // Материалы науч.-практ. конф. Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян: социологический дизайн». – Саратов : Изд. центр «Наука», 2014. – С. 553–556.
26. Павлова, С.Ю. Представители власти в «Мемуарах» Марии Манчини / С.Ю. Павлова // Современное общество : человек, власть, экономика: материалы III Межд. науч. конф. Разделы 6–9. – Саратов : Изд. центр «Наука». 2014, – С. 476–480.
27. Павлова, С.Ю. Риски супружеской жизни в «Мемуарах» Марии Манчини / С.Ю. Павлова // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире : сб. тр. Всерос. науч. конф. – Саратов : Изд. центр «Наука», 2014. – С. 213–218.
28. Павлова, С.Ю. Хронотоп Европы в мемуарах сестер Манчини / С.Ю. Павлова // Литература в диалоге культур : межвуз. науч. сб. Вып. 2. – Ростов-на-Дону : Изд-во Фонд науки и образования, 2015. – С. 227–231.
29. Pavlova, S. L'Espace de l'Europe dans les *Mémoires* d'Hortense et de Marie Mancini / S. Pavlova // Les mémorialistes d'Ancien régime à la découverte de l'étranger (XVIe–XIXe s.). – Nantes, 2015. – P. 63–75.
30. Павлова, С.Ю. «Мемуары» Мадемуазель де Монпансье: творческая история / С.Ю. Павлова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. В 2-х т. Т. 2. – СПб., 2015. – С. 104–107.
31. Павлова, С.Ю. К вопросу об авторской оценке Фронды в «Мемуарах» герцога Ларошфуко / С.Ю. Павлова // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 11. – Саратов : Сар. гос. ун-т, 2015. – С. 108–115.

32. Павлова, С.Ю. Италия в «Мемуарах» Марии Манчини / С.Ю. Павлова // Франция и Россия: век XVII. – Нижний Новгород : Радонеж, 2016. – С. 212–220.
33. Павлова, С.Ю. Орлеанский эпизод в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье и идеал *героического феминизма* / С.Ю. Павлова // *Studia Litterarum*. – 2017. – Т. 2. – № 2. – С. 40–55.
34. Павлова, С.Ю. Французские мемуаристы XVII века о литературном творчестве / С.Ю. Павлова // *Античность – Современность (вопросы филологии)*. Вып. 5. – Донецк : ДонНУ, 2017. – С. 278–286.
35. Павлова, С.Ю. Женский голос в «Мемуарах» Гортензии Манчини / С.Ю. Павлова // *Адам&Ева. Альманах гендерной истории*. Вып. 25. – М. : ИВИ РАН, 2017. – С. 91–119.
36. Павлова, С.Ю. Жанр мемуаров во Франции: историческое и автобиографическое / С.Ю. Павлова // *Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве : Люди, тексты, практики*. – М. : БИБЛИО–ГЛОБУС, 2017. – С. 255–266.
37. Павлова, С.Ю. Грани автопортрета в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье / С.Ю. Павлова // *Франция и Россия: от средневековой имперсональности к личности Нового времени*. – Нижний Новгород : Радонеж, 2018. – С. 95–100.
38. Павлова, С.Ю. Автобиографическая память в мемуарах Мадемуазель де Монпансье и кардинала де Реца / С.Ю. Павлова // *Международный журнал исследований культуры*. – 2018. – № 1 (30). – С. 98–107 (индексируется в Web of Science).